

Джонатан Троппер
На прощанье
я скажу

[roman]

CoRpus

От автора романа
“ДАЛЬШЕ ЖИВИТЕ САМИ”

Джонатан Троппер

На прощанье я скажу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6254919

На прощанье я скажу : роман / Джонатан Троппер ; пер. с английского М. Глезеровой. : АСТ:

CORPUS; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-083149-4

Аннотация

В новом романе Джонатан Троппер снова рассказывает о мужчине, переживающем кризис сорокалетних. Дрю Сильвер, некогда известный музыкант, после развода не живет, а плывет по течению. Перебивается случайными заработками, обитает в убогой квартирке, общается в основном с такими же неудачниками. Даже с дочерью почти потерял контакт, и о своей беременности она сообщает ему только потому, что надо с кем-то поделиться, а маму огорчать не хочется. А еще выясняется, что у Сильвера серьезные проблемы с сердцем и необходима срочная операция. Но у нашего героя почти нет желания жить...

Содержание

Книга первая	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	32
Глава 12	33
Глава 13	36
Глава 14	38
Глава 15	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джонатан Троппер На прощанье я скажу

Jonathan Tropper
One Last Thing Before I Go

Перевод с английского Майи Глезеровой

© Jonathan Tropper, 2012

Книга первая

Глава 1

Вторник. Меньше трех недель до свадьбы жены и пара дней до того, как Сильвер подумает, что не стоит очень уж цепляться за жизнь, если она так же бездарна и никчемна, как у него. Прошло семь лет и около четырех месяцев с тех пор, как Дениз развелась с ним, имея на то внушительный список причин, и примерно восемь лет, как его группа "Поникшие маргаритки" выпустила единственный альбом и проснулась знаменитой за счет одного лишь хита "Покойся в распаде". Одним благословенным летом казалось, что весь мир распевает эту песню. А потом все перестали, а он уже не мог остановиться – хотя вообще-то Сильвера дважды останавливали: за вождение в нетрезвом виде и за домогательства; и он бы поведал вам об этом, если б смог, но, скажем так, подробности слегка испарились из его памяти, и теперь все это уже история. Затем записывающая компания произвела у него за спиной кое-какие манипуляции, и Пэт Макгриди, вокалист группы, отправился в суперуспешное сольное плавание, оставив Дэнни (бас-гитара), Рэя (гитара) и Сильвера (ударные) наедине с их до боли тусклыми жизнями в родном Элмсбруке. Податься было некуда, и Сильвер вернулся домой, где и обнаружил, что Дениз уже сменила замок и обратилась к адвокату за разводом.

Но все это случилось тогда, а сегодня вторник, спустя восемь лет и несчетное число ошибок. Сильверу сорок четыре, хотя верится с трудом, он потерял форму и провалился в депрессию – хотя он не уверен, что это можно назвать депрессией, раз есть все причины в ней находиться. Скорее тебе просто тоскливо или одиноко, или ты каждый божий день остро осознаешь, сколько всего уже никогда не вернуть.

А в субботу Сильвер и Джек отправляются подрочить.

– Это обручальное кольцо?

Они гонят по хайвею в кабриолете Джека, BMW десятилетней давности, и тот замечает на пальце Сильвера кольцо. Джек на чем свет стоит честит трек хип-хопа, делая вид, будто понимает слова, Сильвер же рассеянно барабанит пальцами по коленкам. Они ровесники, по сорок четыре, оба известные мастера принимать феноменально неверные решения.

Он забыл снять кольцо. Одному богу известно, сколько он его проносил. На пальце со времен брака осталась вмятинка, и всякий раз, как он надевает кольцо, оно садится на место, словно деталь в паз, и Сильвер напрочь забывает о нем. Расстроенный, он стягивает кольцо и засовывает в карман – пусть бренчит вместе с прочей мелочью.

– Какого хрена, Сильвер? – спрашивает Джек, стараясь перекричать гул автострады, хип-хоп и беспрестанный звон в ушах Сильвера.

Он страдает от шума в ушах, приступы колеблются от средних до сильных. Лечению болезнь не поддается, и, насколько ему известно, никто особо не стремится привлечь к проблеме внимание общественности или профинансировать исследования. Он страдает в полном одиночестве.

– Я просто с ним играл.

– Это твое обручальное?

– А какое еще бывает?

– Не знаю. Подумал, может, ты пошел и купил себе новое.

– Какого черта я вдруг стану покупать обручальное кольцо?

– А с чего тебе носить старое, через десять лет после развода?

– Через семь.

– Прости. Через семь. Признаю ошибку.

Джек расплывается в хитрой улыбочке типа "я знаю тебя лучше, чем ты сам". Той самой, от которой у Сильвера возникает желание воткнуть в глаз Джека указательный палец, завести его за переносицу и высунуть обратно через другой глаз, смастерив таким образом удобную ручку, с помощью которой можно содрать его лицо.

– Что-то не так, Сильвер?

– А что может быть не так? Мне сорок четыре, еду сонанировать в стаканчик ради семьдесяти пяти долларов. Живу жизнью мечты.

Джек ухмыляется:

– Самые легкие деньги в твоей жизни.

Большую часть времени, проведенную с Джеком, он гадает, действительно ли Джек верит в собственный бред или притворяется. Оба – разведенные мужчины среднего возраста, их дружба родилась из общей неустроенности, потому что так уж случилось, что они жили на одном этаже "Версаля". Джек считает, что Сильвер в депрессии, Сильвер считает Джека идиотом, и оба они, в общем, так или иначе правы.

Они держат путь в дополнительный офис Медицинского исследовательского центра "Блечер-Ройял", где регистрируются, сдадут анализ крови, а затем интенсивно поработают рукой и безыскусно кончат в лабораторную емкость. Это будет сделано без каких-либо химических лубрикантов – во имя науки – и за семьдесят пять долларов еженедельного вознаграждения.

Они участвуют в испытаниях лекарственного препарата (Джек нашел объявление в интернете), который, как предполагается, сможет без использования гормонов лечить малую подвижность сперматозоидов у мужчин. Возможные побочные эффекты включают резкие перепады настроения, головокружение и, странным образом, ослабление либидо, о чем без тени иронии на двадцатиминутном представлении препарата им сообщил администратор.

Вы предпочтете не знать об этом кабинете – комнатенке, обильно обработанной дезинфицирующими средствами, о захваченных порножурналах, к которым он не притрагивается, думая о всех тех липких руках, что уже их пролистали. О депрессивном маленьком телевизоре на шаткой подставке ИКЕА и скромной стопке DVD с корешками, помеченными либо Гт (гетеро), либо Гм (гомо). Или о том, как он не садится в кресло, не ставит диск, а просто стоит посреди комнаты, в трусах, повисших у шиколоток, и пытается вызвать в памяти образы девушек, с которыми спал в далекой юности, когда его целиком поглощали глубокий страстный поцелуй, вид обнажившейся груди, полузакрытые глаза распаленной девушки, которая, глядя ему в лицо, жадно тянется к его ширинке.

Но, как всегда, как раз перед тем, как сперма, булькнув, коснется дна стаканчика, как бы он ни сопротивлялся, перед глазами встает Дениз, смотрящая исподлобья с обычным своим презрением, и это лишает момент последних крупниц наслаждения, которые он еще мог доставить.

Последняя капля, холод влажной салфетки и затем – тепло его семени на кончиках пальцев сквозь пластиковые стенки; по ощущению – самое живое из всего, что он вообще способен из себя выдавить.

Глава 2

Джек уже отстрелялся и болтает с девушкой за стойкой в холле. Она явно не его типа – эдакая мышь, с вялой россыпью прыщей на скулах, – но Джек предпочитает подстраховаться. Никогда не знаешь, кто еще нарисует на горизонте.

Джек – риелтор, с вечно зажатой между пальцев визиткой, которую он неуловимым жестом сует вам в руку, так, что вы и не заметите, как он это проделал. Он имеет уверенный и самодовольный вид человека, который всегда доводит дело до конца, касается ли оно постели или покупки особняка в колониальном стиле. Собственно, он известен тем, что частенько добивается и того, и другого одновременно. Это происходило и когда он был женат, так что брак, конечно, был вопросом времени. Случилась одна пуэрториканская барменша. Как-то раз во время ужина она заявила к ним домой с проклятиями на испанском языке. Жена гонялась за ним сначала с мясорубкой, а потом с командой адвокатов из юридической конторы ее отца.

– А вот и он! – говорит Джек, оповещая весь офис о выходе Сильвера. – Ты случаем не решил для начала отужинать? Я чуть было не послал Вики разведать, что там и как.

Вики улыбается, смущенная, может, даже немного обиженная, но в то же время польщенная. Такой уж у Джека талант.

– Я в порядке.

Он протягивает Вики свой стаканчик, стараясь не встретиться с ней взглядом, она вручает ему чек, и вот так вот запросто он продал свое семя. Контейнер непрозрачный, и все же отдавать женщине собственную сперму всякий раз кажется диким.

– Отличная работа, – Джек похлопывает Сильвера по спине, они выходят на полуденное солнце.

И это моя жизнь, думает про себя Сильвер и, как всегда, изо всех сил старается не запаниковать.

Позади немало ошибок.

Непонятно, с чего начать. Все шло не так настолько давно, что пытаться вычленить отправную точку – все равно, что пытаться определить, где начинается твоя кожа. Ты лишь знаешь, что она покрывает тебя целиком, порой чуть плотнее, чем хотелось бы.

Но, несомненно, какие-то ошибки были. Нехорошие ошибки. Чтобы понять это, довольно лишь взглянуть на него.

Во-первых, он набрал жирка. Не того безобразия, о котором пишут в журналах, но все-таки. Уже изрядное время он не занимался никакой физической активностью. "Физическая активность" – так вообще нынче говорят? Он не уверен. Распад еще не начался, но трещинки быстро превращаются в разломы, явно обозначилось пузо, намечаются брыли, и в теплое время года необходимо точечное нанесение детской присыпки, чтобы избежать трения и опрелости.

Чтобы не пахнуть присыпкой, он злоупотребляет дезодорантом и обильно поливается *Eternity* от *Calvin Klein*. Он разбрызгивает туалетную воду в воздух, а потом проходит через облако – как делала его мать, когда он был ребенком. Так что да, теперь он толстый парень, от которого разит детской присыпкой и туалетной водой, сидящий в одиночестве в пиццерии, оставляя жирные пятна в книжке и не читая ее, промокающий салфеткой масло с плохо выбритого подбородка и поглядывающий на всех входящих хорошеньких девушек.

Сочти вы его жалким типом – это было бы вполне объяснимо. А может, и педофилом.

Вот почему он стал последнее время носить старое обручальное кольцо. Не потому, что скучает по Дениз, он ни капли не скучает, и это, вероятно, является печальным подтверждением того, что она всегда думала о его эмоциональности. А потому, что это золотое кольцо

на пальце меняет всю картину, отбрасывает на него легкий отсвет респектабельности. Подразумевает, что он возвращается домой к кому-то, кто находит в нем что-то стоящее, кого не отвращает хотя бы редкий физический контакт с ним, что делает его очевидные недостатки не столь основательными. Это может осложнить дело, заговори он с привлекательной женщиной, но женщины, с которыми он нынче общается, по большому счету не из тех, кого смутит обручальное кольцо.

Глава 3

У него вошло в привычку развеивать депрессивный осадок от посещения банка спермы в "Последней странице", большом независимом книжном в тихом районе нижней части Элмсбрука. Обычно он читает журнал *Rolling Stone*, пьет содовую, восполняя запас жидкости, и ждет.

Лили приходит без четверти три. Ее длинные волосы небрежно стянуты резинкой и уже рассыпаются, легкие белокурые пряди выбиваются и летят за ней, как хвост кометы. Волосы столько раз красили в самые разнообразные оттенки белого, что они потеряли представление о собственном природном цвете, и корни теперь скорее невнятные. На ней черные колготки, ковбойские сапоги, свободный кардиган землистого оттенка. Она несет гитару в мягком черном чехле за спиной, кверху грифом, как меч ниндзя.

Сильвер пристально наблюдает за ней со своего наместа в кафе. Недостатков хоть отбавляй: сильно выпуклый лоб, маленький бойцовский нос, кривой зуб с одной стороны. Но все в целом слагается в нечто крайне привлекательное, и эта дробная красота остается с ним даже после того, как Лили проходит мимо, направляясь к детскому отделу.

Он любит ее так, как мужчина способен любить женщину, с которой никогда не говорил, а это значит куда больше, чем вы могли бы подумать. Это любовь чистая, эпическая в своем роде. Если бы понадобилось, он бы ради нее встал на пути несущегося автобуса. Единственная, ради кого еще он на это готов, – это Кейси, его дочь, которая, по некоторым его догадкам, даже получила бы удовольствие от подобного зрелища. За восемнадцать лет ему так и не удалось всерьез проявить себя на ниве отцовства. Печальная правда такова, что, умри он за Кейси, это стало бы единственным очком в пользу искупления и вряд ли помогло существенно поправить положение. Умереть каждый дурак может, верно?

Он крадется между стеллажами, как какой-нибудь воришка. Он уже различает тихие струнные переборы Лили, прерываемые шипением кофемашины в кафе при магазине. Она играет здесь дважды в неделю для кучки малышни трех-четырёх лет, которая сидит кружком у ее низкого пластикового стула, пьет сок и подпевает, покуда няни тихонько болтают меж собой на разных островных диалектах.

Сильвер стоит в отделе книг "Помоги себе сам", где он может слушать, не вызывая ничьих подозрений. "Плоский живот за тридцать дней", "Как питаться, чтобы похудеть", "Учись уважать себя" – миллиардная индустрия, выстроенная на абсурдной идее, что человека можно исправить. Он делает вид, что просматривает книги, на самом деле наблюдая за игрой Лили. Все ее тело движется в такт аккордам, светлые волосы покрывалом падают на лицо, и вот она поднимает взгляд на детей и начинает петь.

Кот вернулся домой
прямо на следующий день
кот вернулся домой
мы думали, он сбежал
но вернулся домой
он просто не захотел остаться без нас,
без нас, без нас, о да!

Объяснить это невозможно. Очевидно глупая детская песенка. И ее тонкий голос дрожит на высоких нотах, а порой и вовсе срывается. Но она поет с чувством, так, будто это честная, искренняя песня о любви, самая потаенная ее боль, переложенная на музыку. Дурацкая песенка слишком ничтожна, чтобы вместить всю ее энергию, поэтому она выплескивается

через край, наполняя комнату, наполняя его. Дети подпевают разнобойным хором – они здесь уже не в первый раз, но ее голос взлетает над ними, парит где-то между вентиляторами на потолке этого маленького магазинчика, все еще цепляющегося за жизнь в эпоху цифровых технологий. Он ощущает знакомый ком в горле, это парадоксальное чувство, будто теряешь что-то, чего никогда не имел. К третьему куплету он уже окончательно побежден.

Сосед поклялся пристрелить кота
он зарядил ружье гвоздями и динамитом
он все ждал и ждал, когда кот выйдет
девяносто семь мелких кусочков
вот все, что осталось от соседа
но кот вернулся домой...

Временами на него волной накатывает пронзительная ясность – его бросает в холодный пот от сознания того, что он потерял и во что превратился. Он прячется там, напрочь лишенный помощи в отделе "Помоги себе сам", не пойми что среднего возраста, с усталыми ногами, звоном в ушах и больным сердцем, пытающийся унять слезы, вызванные женщиной, с которой даже не знаком, на разрыв аорты поющей о покушении на кота.

Как он это видит? Он балансирует на грани. По прикидкам, у него, может, еще один последний шанс на настоящую и долгую любовь, и это если не брать в расчет его покалеченную и в высшей степени сомнительную способность на это чувство. За свою жизнь он любил больше женщин, чем следовало. Он не столько окунается в любовь, сколько пикирует в нее, как камикадзе, бесстрашно, на предельной скорости. Он всегда был склонен считать это свойство скорее даром, нежели проклятием, но теперь понимает, что оно – лишь очередное свидетельство того, что он не в порядке.

Он один уже давно, больше семи лет. В какой-то момент одиночество становится скорее привычкой, чем состоянием. Приходит время, когда уже не смотришь на телефон, недоумевая, почему и позвонить некому, уже не стрижешься, не качаешься, не думаешь, что завтра – первый день оставшейся тебе жизни. Потому что завтра – это сегодня, сегодня – это вчера, а вчера тебя отметелило до полусмерти и поставило на колени. Единственный способ не двинуться умом – прекратить надеяться на что-то лучшее.

Но в глубине души он еще не готов сдаться, все еще верит, что где-то там есть она, женщина, которая разглядит мужчину за этим расшатанным, распадающимся остовом, женщина, которая точно знает, что нужно делать с таким безнадежным любовником-камикадзе. И он знает, что эта частица его непременно умрет, если ему когда-нибудь еще доведется крепко уснуть.

Первую девушку, в которую он влюбился, звали Софи Кинслауэр. У нее была короткая рваная стрижка и на шее розовое родимое пятно в форме рога. Когда они впервые поцеловались, она издала чуть слышный стон, открывший мир плотской чувственности, о котором он прежде лишь смутно догадывался. Мм было по шестнадцать, в темном закутке парковки за школой в этот момент шла какая-то игра, и когда она застонала, он вдруг услышал, что вторит ей, как будто она разбудила в нем нечто, о чем он и не подозревал. Она прижалась к нему всем телом, раскрыв рот, чтобы принять его язык. Следующие несколько недель она оккупировала его, как армия страны-победительницы. Дома он мастурбировал так яростно и часто, что в какой-то момент испугался, что всерьез себе навредил. Встречаясь, они целовались исступленно, покуда не распухали губы и не немели языки. А потом все закончилось в один день. Он не помнит ничего конкретно, но простая статистика и

холодный спазм в животе, стоит только подумать об этом, красноречиво доказывают, что все случилось с его подачи, что это он выискал в ней недостаток, за который цеплялся, пока не разучился видеть все остальное.

Глава 4

Стоит лето, воздух насквозь пропитан влажностью, от которой едва дышишь, а рубашка на спине намокает, стоит только выйти на улицу. Они с Джеком и Оливером сидят в своих обычных шезлонгах у бассейна "Версаль", делая, как и все остальные, вид, что не пялятся на девушек-студенток.

А может, они уже не девушки? С ними не разберешь, с этой стайкой загорелых девиц в бикини, растянувшихся в шезлонгах, как шоколадные батончики, у того края, где помельче. Он, как обычно, сидит между Джеком и Оливером, наискосок от девушек, изображая, что читает журнал. Вокруг бассейна сидят прочие особи мужского пола, поодиночке и группами, все как один унылые и потасканные, истязают себя, бросая исподтишка взгляды на запретные плоды.

Нет, вы только посмотрите на этих девчонок, – кажется, уже в третий раз повторяет Джек. Сильвер предпочитает его игнорировать.

Они и без него в курсе. Им не нужны его комментарии. В конце концов они мужчины – возможно, уже не те, какими были когда-то или какими, быть может, могли стать, – но все же мужчины. А эти девушки, эти женщины... что ж, они блистают своим цветущим совершенством, намазанные солнцезащитным кремом, который поджаривает их мягкую, без единого прыщика кожу до медового отлива, покуда они читают книжки и дешевые журнальчики, тюкают по разного рода девайсам, упрятанным в розово-красные чехлы, или слушают айподы, а пальчики с идеальным педикюром подергиваются в такт музыке. Они проделывают то, что девушки обычно делают, когда им нравится музыка – вытягивают губы трубочкой, будто целуя воздух, и раскачивают головами вверх-вниз.

Бассейн по идее предназначен только для резидентов расположенного вблизи автострады "Версаль", отеля у самой автострады, где сдают номера-квартирки на долгий срок. Но девушки приходят сюда как гости Джека, и никто пока не жаловался. Они учатся в Хадсон-колледже, что всего в четырех кварталах от гостиницы, на другой стороне трассы 9. Семестр только начался, и иметь под боком у местечка вроде "Версаль" столько молодых созревших женщин – все равно, что хранить спички в ящике с динамитом.

Да, он живет в таком отеле. Ошибки.

"Версаль", тусклый монолит, во все свои четырнадцать этажей надгробием нависает над запутанной сетью дорожек, вливающихся в автостраду 95. Это единственное многоквартирное здание в пределах Элмсбрука. Много лет назад его переделали в апартамент-отель, где номера можно снимать на недели или месяцы. И в этом своем воплощении он ожидаемо стал прибежищем несчастных, надломленных мужчин Элмсбрука, отлученных от дома в результате распавшихся браков. Над этим местом витает дух поражения – мужчины среднего возраста живут в одиночестве в маленьких, скудно обставленных гостиничных клетушках. "Он теперь живет в «Версале»", – говорят о ком-то, и всем сразу понятно, о чем речь. Об этом самом здании. Бассейн, спортзал, консьерж, плюшевая мебель в холле; все эти удобства не в силах затмить того факта, что это место, куда сбиваются покалеченные жизнью мужчины, чтобы зализывать свои раны, пока битвы за совместно нажитое имущество и права на детей медленно проигрываются по цене примерно шестьсот долларов в час плюс расходы.

На заключенном в рамках архитектурном рисунке, который до сих пор висит в лобби, здание изображено в мягких белых тонах, сияющим в лучах солнца; оно окружено изумрудными лужайками, осененными пышными кронами ясеней и дубов. Но комиссия по зонированию потребовала увеличить площадку для парковки, так что лужайка, деревья и детишки со своими красными и желтыми воздушными змеями так и остались лишь на бумаге, а выхлопные газы с окрестных хайвеев постепенно превратили "Версаль" в вертикальную

глыбу цвета грозовой тучи. Трудно постичь логику решения выставить эту картинку здания во всем его нереализованном блеске – быть может, это чья-то злая шутка или безыскусная метафора, своего рода подсознательная пытка для обитателей отеля.

Когда Сильвер был еще женат, здание – тогда еще в куда более приличном виде – всплывало в качестве ударного аргумента, венчавшего споры и размолвки: "Я такая невыносимая, почему бы тебе просто не съехать отсюда? Наверняка в «Версале» найдется свободная комната..." Примерно в таком духе. Проматываем семь лет – и он-таки здесь; вся его жизнь сводится к бюджетному двухкомнатному номеру на девятом этаже, по соседству с товарищами по оружию – мужьями, изгнанными с элмсбрукских улиц, обсаженных деревьями, из укрытого коврами и затененного шторами тепла основательных поскрипывающих особняков в колониальном или тюдоровском стиле, вырванными из брака и семьи, но все еще расплывающимися за нее в прямом и переносном смыслах. Они выплачивают кредиты за дом, в котором их уже не привечают, платят за новый гардероб, стрижки, косметологов и эпиляцию бывших жен, за их членство в спортклубе – за все, что делает подтянутыми, гладкими и упругими тела, которых им уже не коснуться, платят за персональных тренеров, которые, вероятно, имеют их жен, и за адвокатов их жен, которые имеют их самих, и за собственных адвокатов, которые годятся лишь на то, чтобы четкими юридическими терминами объяснить клиентам, что их поймали. Платят за занятия бейсболом и футболом, и уроки фортепиано, и фигурное катание, и карате, и одежду, и частную школу, и логопеда, и репетиторов, и внеклассные программы, и медицинскую страховку Стоя в холле, вы ощущаете, как здание вибрирует от коллективного возбуждения отчаявшихся мужчин, живущих в состоянии непрерывно сдерживаемой паники. Они вечно измотаны, стараются не заглядывать в выписки со счета, реализуют стремительно тающие активы, понимая, что недолго смогут справиться с этим невероятным хаосом, прежде чем все задохнется в миазмах судебного яда и банкротства.

Так, мужчины "Версаля", братья по несчастью, поддерживают друг друга, незаметно, как это заведено между мужчинами, и мелкие непрочные дружбы, питаемые выгодой, тихонько прорастают, как мох в тундре. Они скулят и ноют всем, готовым внимать столь понятным и знакомым жалобам на суды, допотопные законы, чертовых тварей адвокатов и эту непривычную, вынужденную и якобы невыносимую нищету, в которой они все оказались. А когда не скулят, из последних сил пытаются уверовать в то, что это не навсегда, что они еще способны обрести любовь, что мы не умрем в одиночестве и что в ближайшем будущем случится хоть какой-то секс. Но пока они хандрят, злоупотребляют выпивкой и пялятся на девушек неподходящего возраста, ожидая просвета в жизни, гадая, когда же наконец начнет фартиль.

Что снова возвращает нас к студенткам.

– Нет, серьезно, ты только погляди на них, – говорит Джек.

Джек хорош собой как раз так, что ему сходят с рук подобные беззастенчиво плотоядные взгляды. Он высок и строен, сложен специально для того, чтобы, развалившись в шезлонге с голым торсом, строить глазки и кокетничать. У него темные жесткие волосы и ямочка на подбородке, как положено супергерою. Они с Сильвером были лишь случайными знакомыми в своих прошлых жизнях, входили в не слишком сплоченный кружок мужей и отцов, связанных не столько настоящей дружбой, сколько дружбой своих жен. А нынче это кружок людей, связанный отсутствием жен. Никто не радовался разводу Сильвера больше Джека, который чуть ли не джигу сплясал прямо в холле, когда тот перебрался в "Версаль".

– Ты пялишься на них, – бурчит Оливер из-под мятой бейсболки, прикрывающей его лицо, – а я здесь посапываю.

Оливеру сильно за пятьдесят, высокий, здоровенный, с обвисшей кожей, усталым взглядом и океаном пива, плещущимся в животе. Он – один из немногих, кому необязательно жить здесь, вообще-то он достаточно богат, чтобы жить где угодно, но ему нравится вот это братство. Он был трижды женат, обзавелся детьми, которые с ним не разговаривают, и внуками, которых он никогда не видел. Оливер на четырнадцать лет старше Сильвера, а Джек – сексуально озабоченный женоненавистник, но каким-то образом – он и при желании уже бы не припомнил как – они стали одной компанией.

И вот они полеживают здесь, каждый день поджариваясь на солнце. Джек – длинный и сухощавый, только сейчас начавший слегка терять форму. Сильвер – поправившийся везде, где можно, как стареющий бейсболист-питчер, ну и Оливер, уже давно обрюзгший, с обвисшим пузом, которое придает его фигуре очертания, смутно напоминающие грушу. Джек и Оливер – как иллюстрация его до и после, сам же он находится где-то посередине, в том самом моменте, с которого все пошло не так.

– Разумеется, есть очевидные факты, – продолжает Джек, игнорируя Оливера. – Анатомические преимущества – это само собой. Но заглянем поглубже. Посмотрите на их глаза, на то, как они двигаются, как смеются. Они излучают эту... неиспорченную сексуальность. Они все еще любят мужчин. Еще по крайней мере тысяча трахов отделяет их от разочаровавшихся, циничных женщин, в которых они неизбежно превратятся.

– Или одна ночь с тобой.

– Да иди ты, Оливер.

– Они вроде слегка юны для тебя, ты не находишь? – говорит Сильвер.

– Да ни хрена, – отвечает Джек. – Кто, по-твоему, воздаст им должное? Мальчишки из их колледжа? Ты вспомни себя в двадцать лет. Ясное дело, у тебя был непрерывный стояк, но разве ты в этом хоть что-то понимал? Разве ты знал, как доставить женщине удовольствие? Тебя это вообще разве заботило? Нет. Тебя волновало только, кому вставить, и в девяти из десяти раз ты кончал еще до того, как она разогревалась.

Сильвер думает о девушке, имени он не помнит, которая лежала под ним в кровати своей тесной общежитской комнатки, ее распахнутые глаза смотрели на него с жадным желанием, и чувствует то, к чему уже привык в последнее время, – глухую вялую тоску по всем тем вещам, которых уже никогда не вернуть.

– Забудь все, что, по-твоему, тебе известно, – Джек все больше раздухаряется, а это не сулит ничего хорошего. – Это далеко не те девушки, с которыми мы с тобой учились в колледже. Это эволюционировавший вид. Они любят секс. Они его любят и хотят его, они считают, что имеют неотъемлемое право им заниматься. Эти девушки – настоящие феминистки, благослови их Господь.

– Кончай уже разглагольствовать! – подает голос Оливер. – Я тут вообще-то пытаюсь расслабиться.

– Да брось, Оливер, ты ж знаешь, что любую из них бы оприходовал. Бутылка вина, пара таблеток виагры, и дело в шляпе.

Оливер поднимает козырек и щурится на Джека.

– Да хоть одна из них захочет меня оприходовать?

– Ты о чем вообще? Ты привлекательный мужчина.

– Я старый и жирный. И выживаю, потому что знаю свое место в джунглях.

– И какое же оно?

– Старый богатый крот, который платит за то, чтобы ему отсосали, – отвечает Оливер, возвращая козырек на место.

Пожалуй, думает Сильвер, сейчас в нем действительно есть что-то от крота.

Девушки вытягиваются и поворачиваются на своих лежаках, со знанием дела расстилая лифчики, чтобы не оставалось белых полосок. Они покачивают ногами, натираются

лосьоном, облизывают губы, теребят длинные волосы. Джек приподнимает темные очки, прищуривается и смеется, дивясь этому чуду.

– Силы небесные! – произносит он.

Оливер пукает, звук долгий и высокий, словно из воздушного шарика выпускают воздух.

– Господи, Оливер, прими слабительное, – говорит Джек.

Вот такие у него нынче друзья.

Они все так же сидят там и два часа спустя, когда появляется Кейси. Солнце висит высоко, запах масла для загара, шкворчащего на коже студенток, плывет над бассейном, щекоча им ноздри. Если правильно расположиться, то громыхание тягачей с автострады вполне сходит за удары прибоя. Сильвер, как часто в эти дни, покачивается в дымке воспоминаний, фантазий и сожалений.

– Сильвер...

А в лучшие дни, пожалуй, еще и едва уловимых проблесков надежды.

– Сильвер!

Кейси идет прямо к нему, в шортах и легком топе, завязанном вокруг шеи, ее крашенные в миндальный цвет волосы спадают на спину, их треплет легкий августовский ветерок. Когда она приближается, Сильвер замечает, что на ее лицо подковкой легла россыпь веснушек. Джек кричит, усердно изображая, что не пялится на дочь своего друга.

– Привет, – говорит Кейси с тем усталым безразличием, которое она приберегает исключительно для него.

Как и всегда, в первое мгновение, когда он ее видит, сердце замирает, как случается в секунды после сильного удара или, как он предполагает, когда начинаешь тонуть. Любовь или паника. Он никогда толком не мог отличить одно от другого.

– Привет, Кейси. – Он садится прямо, вдруг остро ощущая свое вывалившееся брюшко, отросшие щетину и шевелюру. – Что ты тут делаешь?

Она улыбается так, будто вопрос – заправка для их междусобойной шутки.

– И вправду – что?

Никого не удивит, что он ни для кого никогда не был примером образцового отца. За семь лет, прошедших с развода, он пропустил, умышленно или по расхлябанности, больше дней рождений, школьных концертов и университетских спортивных состязаний, чем хватает духу вспомнить. Его отношения с Кейси постепенно перешли от веселых и легких к натянутым и холодным, и когда начался подростковый период, от ее прежде неизменной снисходительности не осталось и следа. Он знает, что это его вина, знает, что заслуживает куда большего презрения, чем она способна выказать, и все же в том, что слышишь от своей дочки пренебрежительно брошенное "И правда – что?", есть что-то такое, отчего чувствуешь себя полностью и окончательно раздавленным.

Кейси оглядывает их троих, и он смотрит на них ее глазами: Джек, стареющий донжуан, выезжающий за счет своего дурацкого обаяния, потускневшего еще в конце девяностых, Оливер, грузный и угрюмый, он годится ей в дедушки и, потев в своей футболке размера XL, он вспоминает группу, переставшую быть крутой еще до ее появления на свет. Она окидывает быстрым взглядом студенток, затем с циничным блеском в глазах снова оборачивается на них, и вот они уже определены в категорию унылых, облезлых старперов, коими, собственно, они и являются.

Непросто нормально подняться, когда сидишь в шезлонге да еще пытаешься одновременно втянуть живот. После нескольких неуклюжих телодвижений он принимает наконец вертикальное положение, но даже от этого нехитрого усилия багровеет и задыхается. В "Вер-